

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Четверг 25 апреля 1946 года, 3 ч. дня Хонтер колледж, Нью-Йорк

Председатель: АФИФИ-паша (Египет)

Присутствуют представители следующих стран: Австралии, Бразилии, Египта, Китая, Мексики, Нидерландов, Польши, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Франции.

43. Предварительная повестка дня (S/46)

1. Утверждение повестки дня.
2. а) Письмо представителя Польши от 8 апреля 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/32)⁹⁸.
б) Письмо представителя Польши от 9 апреля 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/34)⁹⁹.
3. Доклад Генерального Секретаря Председателю Совета Безопасности от 22 апреля 1946 года относительно полномочий представителей в Совете Безопасности (S/43).

44. Годовщина Конференции в Сан-Франциско

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Прежде чем мы приступим к нашей работе, я хотел бы напомнить вам, что сегодня, 25 апреля, годовщина официального открытия Конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско. По этому случаю мэр города Сан-Франциско прислал нам телеграмму, которую я вам прочту:

«В вашем лице прошу Организацию Объединенных Наций принять от жителей города Сан-Франциско и его окрестностей поздравление и выражение глубокой благодарности по поводу успехов, достигнутых со времени созыва здесь год тому назад, 25 апреля 1945 года, Конференции по созданию международной организации.

Город Сан-Франциско, где было положено начало Уставу Организации Объединенных Наций, расценивает должным образом сложность тех проблем, с которыми Организации Объединенных Наций пришлось столкнуться со времени своего создания, но все же обнадежен мыслью, что принципы Объединенных Наций будут проведены в жизнь и мир никогда больше не станет жертвой конфликта.

Сегодня, в этот знаменательный день, группа жителей Сан-Франциско из представителей различных национальностей соберется в городской ратуше, чтобы выработать порядок празднования 20 июня «Дня Мирового Устава» в ознаменование первой годовщины подписания Устава Организации Объединенных Наций. Жи-

⁹⁸ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 2, приложение За.

⁹⁹ Там же, приложение Зб.

тели нашего района надеются этим почтить Организацию Объединенных Наций и ярче осветить ее значение и цели.

Роджер ЛАТАМ
Мэр города Сан-Франциско».

Я убежден, что, выражая благодарность мэру города Сан-Франциско, я являюсь выразителем чувств всех членов Совета. Не они одни, но и множество людей, проживающих во всех областях земного шара, будут помнить об этом славном городе, где зародилась Хартия прав для всех миролюбивых народов.

Вы конечно согласитесь со мной, что мне следует послать от вашего имени выражение нашей благодарности мэру города Сан-Франциско.

45. Утверждение повестки дня.

Повестка дня утверждается.

46. Обсуждение испанского вопроса (продолжение)

Полковник ХОДЖСОН (Австралия) (*говорит по-английски*): Я желал бы поблагодарить Председателя и прочих членов Совета за содействие и помощь в деле выработки резолюции, для всех приемлемой. Я уже распорядился раздачей текста, явившегося результатом внесенных предложений и прочту теперь проект резолюции в его настоящем виде.

«Ввиду обращения внимания Совета Безопасности, в порядке статьи 35 Устава, одним из членов Совета на ситуацию в Испании,

ввиду поступившего в Совет предложения объявить, что эта ситуация повела к международным трениям и угрожает международному миру и безопасности,

Совет Безопасности настоящим постановляет:

продолжать изучение вопроса, с тем чтобы установить, действительно ли существует такая ситуация, и

с этой целью назначает подкомитет из пяти своих членов и поручает ему рассмотреть заявления, сделанные в Совете Безопасности относительно Испании, предложить представить дополнительные заявления, документацию и доказательства, произвести расследования, которые он сочтет нужными, с тем чтобы представить Совету Безопасности к 31 мая 1946 года доклад о результатах своего расследования и, в особенности, о фактах, касающихся следующих вопросов:

1) Является ли существование режима Франко вопросом международного значения или же он входит по существу во внутреннюю компетенцию Испании?

2) Способна ли существующая в Испании ситуация привести к международным трениям или же вызвать спор?

3) В случае утвердительного ответа на вопрос 2, может ли продление этой ситуации поставить под угрозу поддержание международного мира и безопасности?»

Итак, главными пунктами, на которых следует остановиться, являются следующие: Прежде всего, я отбросил мысль об официальном расследовании, согласно статье 34 Устава, чтобы подвести учреждаемый подкомитет под действие статьи 29 в качестве вспомогательного органа, и я называю его подкомитетом, а не комитетом. Существенным изменением является то, что я вычеркиваю фразу: «Затребовать дополнительные письменные заявления и документальные доказательства от государств-членов Организации и представителей режима Франко»¹⁰⁰, так что текст этот излагается в следующей редакции: «предложить представить дополнительные заявления, документацию и доказательства, произведсти расследования, которые он сочтет нужными...».

Затем, учитывая, что срок 17 мая, по всей вероятности, окажется слишком близким, так как он был первоначально установлен произвольным образом, срок этот перенесен на 31 мая, т. е. через месяц после представления измененного проекта резолюции. Быть может некоторые представители пожелают, вместо назначения определенного срока, просто указать: «в возможно короткий срок».

Наконец, некоторые представители находили, что подкомитет не должен и не может делать своих заключений по указанным трем вопросам или же представлять по ним рекомендации, а что он должен лишь изложить фактические данные, с тем чтобы Совет сам мог принять решение, основываясь на фактах, установленных и представленных подкомитетом.

Я полагаю, что в курсе прений могут быть выдвинуты и другие предложения и рекомендации.

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Мое правительство изучило самым тщательным образом заявления, сделанные на первых заседаниях Совета Безопасности по поводу испанского вопроса. Мы внимательно следили за испанским вопросом во всей его совокупности и собрали информацию, основанную на наблюдениях из первых рук, сделанных нашими представителями в Испании. По многим из отдельных пунктов, приведенных представителем Польши, наша информация совершенно не совпадает с его сведениями и не подтверждает многих из его заключений.

Основываясь на нашей собственной информации, а также на данных, приведенных до сих пор здесь в Совете Безопасности, мы не можем согласиться с выводом, указывающим как будто на то, что в Испании имеется ситуация, требующая принятия мер, предусмотренных статьями 39 и 41 Устава.

То обстоятельство, что мы относимся отрицательно ко многим из этих заявлений и не согла-

шаемся с уже представленными заключениями, не означает, однако, что наше неоднократно выраженное мнение о режиме Франко сколько-нибудь изменилось. Совершенно очевидно, что здесь имеется резкое расхождение во мнениях относительно самих фактов, а также относительно возможной их интерпретации. Чрезвычайно важно, чтобы в подобном вопросе решение Совета Безопасности основывалось на фактических данных, подвергнутых предварительному детальному рассмотрению и установленных, насколько возможно, с общего согласия Совета Безопасности.

Поэтому мое правительство считает, что, основываясь на имеющейся у него информации, Совет не был бы вправе принять проект резолюции Польши в его первоначальной редакции. Я только что ознакомился с исправленным проектом представителя Австралии и с удовлетворением могу сказать, что такое предложение было бы приемлемым для Соединенных Штатов Америки, быть может с теми незначительными изменениями, о которых представитель Австралии только что сам упомянул.

Мы считаем, что следует учредить комитет, которому будет поручено собрать фактические данные о положении в Испании, чтобы Совет имел прочное основание для выполнения своего долга по установлению того, действительно ли продление настоящей ситуации способно создать угрозу для поддержания международного мира и безопасности.

Мое правительство надеется, что комитет обратит особое внимание на установление фактов, касающихся присутствия наци в Испании. В нашей дискуссии подчеркивалось, что их нахождение в стране может представить известную угрозу.

До окончания войны и впоследствии правительство Соединенных Штатов изучало и проводило, при участии других заинтересованных правительств, планы, имевшие в виду разрешение этой насущной и важной проблемы. Через посредство дипломатических представителей заинтересованных правительств в Мадриде нам удалось побудить испанское правительство помочь репатриации этих нежелательных немцев. При содействии Франции мы смогли отправить обратно в Германию по железной дороге, в начале февраля текущего года, около 1 300 немцев, несших сторожевую службу на франко-испанской границе и перешедших в Испанию после освобождения Франции. Кроме того, мы сообщили испанскому правительству имена 500, приблизительно, нежелательных наци. Из этих 500 только около 150 были обнаружены испанским правительством.

В настоящее время испанское правительство все более и более неохотно участвует в выполнении этой программы. Так например, британские власти распорядились посылкой судна в испанский порт в начале марта этого года. Судно это шло обратно в Германию, и на нем могло бы поместиться около 500 добавочных пассажиров. Но испанская полиция привела лишь небольшое число лиц из указанных нами Foreign Office'у как подлежащих эвакуации на этом судне.

¹⁰⁰ См. тридцать пятое заседание.

Мы считаем, что включая лиц, уже указанных таким образом испанскому правительству, но еще не высланных, остается еще около 2 200 немцев разных категорий. Мы намерены продолжать наши попытки добиться высылки этих немцев и конечно сообщим все сведения по этому вопросу комитету, учреждение которого ныне обсуждается Советом.

Я нахожу существенно важным, чтобы в своем докладе Совету комитет сообщил нам установленные им факты, основываясь на которых Совет Безопасности мог бы принять свое собственное решение.

Совет Безопасности мог бы, я полагаю, предусмотреть представление комитетом доклада не только по окончании своего первого расследования, но в случае необходимости время от времени, всякий раз как он найдет, что обнаруженные им, сообщенные ему или выясненные им данные требуют немедленного внимания со стороны Совета. Таким образом у нас имелась бы возможность непрерывно и точно осведомляться о всех происходящих в Испании событиях, которые могли бы потребовать рассмотрения согласно Уставу Организации Объединенных Наций.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Если попытаться подытожить выступления, имевшие место в Совете Безопасности при обсуждении обращения польского правительства, то можно прийти к следующим выводам.

Основной мотив тех членов Совета, которые возражают против польского предложения, прозвучал наиболее четко в выступлении г-на Кадогана. Смысл заявления г-на Кадогана заключается в том, что будто бы ни польский представитель, обративший внимание Совета Безопасности на ситуацию в Испании, ни члены Совета, поддерживающие польское предложение, не представили достаточных данных, могущих убедить Совет Безопасности в том, что фашистский режим в Испании представляет собой действительно угрозу международному миру. Если бы такие доказательства имелись, говорили члены Совета, выступавшие против польского предложения, то, конечно, Совет Безопасности должен был бы действовать и принимать меры в отношении режима Франко, предписываемые Уставом.

Таким образом все дело сводится к формуле: «Нет достаточных доказательств». Уже в своем первом выступлении я выразил надежду, что исторические уроки прошлого будут приняты во внимание при обсуждении данного вопроса и что Совет Безопасности не повторит тех ошибок, которые допускались в прошлом. Формула «нет достаточных доказательств» имеет, как известно, свою историю. Эта формула в прошлом весьма охотно и часто применялась сторонниками и поклонниками пресловутой политики невмешательства.

Всему миру известно, например, что с сентября 1931 года по январь 1932 года Япония захватила Маньчжурию. Факт агрессии был налицо. Китай обратился тогда в Совет Лиги Наций с предложением рассмотреть этот вопрос и приме-

нить в Японии санкции, вытекавшие из статьи 16 Устава Лиги Наций.

Совет Лиги Наций попал тогда в трудное положение. С одной стороны, агрессия Японии была очевидна и не нуждалась в дополнительных доказательствах. С другой стороны, руководящие члены Совета Лиги Наций не хотели применять каких-либо мер по обузданию агрессии. Выход был подсказан не кем иным, как Японией, которая сама подала мысль об образовании комиссии по расследованию. Члены Совета ухватились тогда за этот выход, как за якорь спасения.

Несмотря на то, что расследовать было нечего, что японская агрессия была очевидной, была образована тем не менее комиссия для выяснения, действительно ли Япония напала на Китай. Эта комиссия, получившая название Комиссии Литтона, занималась расследованием в течение 9 месяцев, за которым опять-таки не последовало никаких эффективных шагов против японского агрессора.

Почти такая же политика невмешательства применялась к итальянскому фашизму. С декабря 1934 года Муссолини, как известно, открыто готовился к захвату Эфиопии. Эта открытая подготовка началась с событий в оазисе Уал-Уал, о которых было известно всему миру. Да этого не скрывал и сам Муссолини.

Сторонники же политики невмешательства еще за две недели до открытого нападения Италии на Эфиопию говорили, что не имеется достаточных доказательств для того, чтобы признать наличие угрозы миру и принять решительные меры. В своей речи на Ассамблее Лиги Наций тогдашний министр иностранных дел Великобритании Самуэль Хор, ныне лорд Темпльвуд, произнес речь, в которой указал, что будто бы нет достаточных доказательств, подтверждающих агрессивные намерения Муссолини по отношению к Эфиопии. Этих доказательств пришлось ждать недолго. Через две недели Муссолини напал на Эфиопию.

Известно, что сторонники политики невмешательства до войны утверждали, что нет достаточных доказательств подготовки Гитлером войны против миролюбивых народов мира. Тогдашний премьер-министр Великобритании Нэвилл Чемберлен считал преждевременным созыв конференции для принятия мер по обузданию гитлеровской агрессии. Чемберлен требовал доказательств, что после захвата Австрии Гитлер собирается еще что-нибудь захватить. Такой же ответ был дан Чемберленом на предложение о созыве вышеуказанной конференции в 1939 году, после оккупации Чехословакии гитлеровской Германией.

Известно, что в 1936 году, вскоре после начала итало-германской вооруженной интервенции в Испании, в Лондоне была образована комиссия по невмешательству под председательством лорда Плимута. В то время, когда германские и итальянские интервенты душили Испанскую Республику, сторонники политики невмешательства, заседавшие в Лондоне, фактически поощряли своим поведением агрессивные действия германского и итальянского фашизма в Испании. На все данные, которые представлялись в Комитет Плимута относительно посылки Гитлером

и Муссолини солдат, вооружения и боеприпасов в Испанию для удушения народного антифашистского движения, сторонники и проводники политики невмешательства отвечали: «Нет достаточных доказательств».

Я внимательно слушал выступления тех членов Совета Безопасности, которые не удовлетворены приведенными при обсуждении польского обращения фактами и которые требуют дополнительных доказательств. Если бы взять речи, например, некоторых довоенных британских политических деятелей, сторонников политики невмешательства, и имена Гитлера и Муссолини заменить именем Франко, то смысл и содержание этих речей ничуть не отличались бы от смысла и содержания речей некоторых членов Совета Безопасности.

Сторонники политики невмешательства, требующие всегда «дополнительных доказательств», как правило, вносили предложения об образовании разного рода комиссий и комитетов по дополнительному расследованию. Этот метод в прошлом всегда выглядел прилично в глазах общественного мнения. Что лучше можно было бы придумать для того, чтобы успокоить общественное мнение мира и создать видимость дела, когда по сути такой метод приводил к бездействию. Волшебное слово «комиссия» должно было действовать на воображение, должно было свидетельствовать о том, что политические деятели ни одной минуты не пропускают, чтобы не реагировать на возникающие вопросы и события, имеющие отношение к поддержанию мира.

Я хочу быть откровенным и решительно заявить, что требование дополнительных доказательств против фашистского режима Франко и сопутствующее этому требованию предложение об образовании комиссии по расследованию поставленной проблемы объективно будет представлять собой, независимо от добрых намерений нашего австралийского коллеги, повторение негодных и обанкротившихся в прошлом методов, применявшихся в связи с обсуждением вопросов о мерах борьбы против фашистских агрессоров.

Я считаю нужным сказать здесь об этом прямо и открыто. Не случайно предложение об образовании комиссии в связи с обсуждаемым в настоящее время вопросом встретило скептическое отношение со стороны мирового общественного мнения, насколько об этом можно судить по сообщениям печати. Не случайно также, что правительство Франко само несколько дней тому назад подало такую идею, учитывая очевидно опыт, который имела в 1931 году Япония, предложившая, как я уже указал раньше, создать комиссию по расследованию в связи с захватом ею Маньчжурии.

Г-н ван-Клеффенс пытался доказать, что такая мера, как разрыв дипломатических отношений, может укрепить Франко вместо того, чтобы ослабить его режим. Г-н ван-Клеффенс хочет, повидимому, предотвратить возможность такой ужасной «ошибки» со стороны сторонников предложения о разрыве дипломатических отношений с Франко. Я должен сказать, что я никогда не слышал об укрепляющем действии на фа-

шистское государство разрыва дипломатических отношений с этим государством.

Если бы те члены Совета, которые выступают с подобными утверждениями, были последовательны, то они должны были бы предложить пересмотреть Устав Организации Объединенных Наций, в котором, как известно, разрыв дипломатических отношений, предусмотренный статьей 41 Устава, содержится в главе VII, предусматривающей действия в отношении угрозы миру, нарушения мира и актов агрессии.

Объединенные Нации, принявшие участие в выработке Устава и утвердившие его, не сомневались в том, что разрыв дипломатических отношений считается мерой наказания и принуждения, применяемой в отношении тех государств, которые не действуют в соответствии с целями и принципами Организации Объединенных Наций. Делегации стран Объединенных Наций, принимавшие участие в выработке Устава на Конференции в Сан-Франциско, не подозревали, что меньше чем через год в Совете Безопасности найдутся такие его члены, которые будут называть разрыв дипломатических отношений с фашистским режимом Франко не мерой наказания, а мерой укрепления этого режима.

Я хочу обратить внимание членов Совета Безопасности в этой связи на тот факт, что, как сообщает газета New York Times от 20 апреля с. г., выступление, например, г-на Кадогана, возразившего против предложения о разрыве дипломатических отношений с Франко, очень хорошо было воспринято в Мадриде. Американская печать, однако, не сообщает ничего о том, что в Мадриде понравились выступления тех членов Совета, которые предлагали разрыв дипломатических отношений с Франко.

В заключение я хотел бы остановиться еще на одном моменте. Г-н Стеттиниус в своем выступлении, — я имею в виду его первое выступление, — в котором, по его словам, он очертил общие цели правительства Соединенных Штатов Америки по вопросу об отношении к режиму Франко, указал на то, что одной из этих целей является недопущение повторения в Испании гражданской войны.

Я не буду вдаваться в детальный анализ этой проблемы. Известно, что гражданские войны в некоторых странах не так уж были плохи. Всем, например, известно историческое место гражданской войны в Соединенных Штатах Америки и ее значение. Повторяю, я не хотел бы останавливаться на политическом и теоретическом анализе этой проблемы, хотя уверен, что результаты такого анализа не были бы выгодны для противников предложения о разрыве дипломатических отношений.

Сейчас я хочу ограничиться лишь указанием на порочность и на несостоятельность позиции бездействия в отношении режима Франко, так как такое бездействие со стороны Объединенных Наций и Совета Безопасности, как одного из важнейших ее органов, усилит угрозу миру и безопасности со стороны существующего в Испании фашистского режима. Неужели опять нужно ждать, пока начнут говорить пушки и автоматы, чтобы признать наличие угрозы миру? Ведь опыт показал, что в таких случаях бывает

уже поздно сохранить мир. В таких случаях его приходится завоевывать в кровавой борьбе против агрессора.

На деле получается, что боязнь гражданской войны в Испании представляет собой оправданное бездействие в отношении насажденного Гитлером и Муссолини фашистского режима в Испании, являющегося источником серьезной угрозы для мирного существования народов. Дело испанского народа решить, каким путем освободиться от ненавистного ему фашистского режима. Задача Организации Объединенных Наций состоит в том, чтобы устранить источник угрозы для международной безопасности, каковым является существующий в Испании фашистский режим, и одновременно помочь народу Испании, испанским демократическим силам вернуть отнятые у них демократические свободы.

Резюмируя сказанное мною на данном заседании Совета Безопасности, я хотел бы заявить следующее.

Заявление представителя Польши г-на Ланге¹⁰¹, а также дискуссия, состоявшаяся в Совете Безопасности во вопросу, поднятому польским представителем в его письмах от 8 и 9 апреля, не оставляют сомнения в том, что существующий в настоящее время в Испании фашистский режим Франко действительно представляет серьезную угрозу для международного мира и безопасности.

Ввиду этого нет необходимости в создании какой-либо комиссии по изучению этого вопроса. При наличии множества фактов и доказательств, подтверждающих правильность обвинения, выдвинутого в отношении фашистского режима Франко представителем Польши, образование комиссии могло бы произвести лишь отрицательный эффект как на мировое общественное мнение, так и на демократические силы самой Испании. Образование такой комиссии невозможно было бы оправдать в глазах мирового общественного мнения, требующего полного разрыва с режимом Франко, а не проволочек, которым невозможно найти оправдания. Ввиду этих соображений я высказываюсь против предложения об образовании комиссии.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) *(говорит по-английски)*: Я желал бы сперва обсудить предложение Австралии с принципиальной точки зрения, а затем — в связи с жалобой Польши на правительство Франко.

Уже неоднократно во время нашей дискуссии не только по данному вопросу, но и по другим поводам, представитель Австралии рекомендовал произвести расследование фактической стороны дела. С точки зрения чисто принципиальной я хотел бы указать, что сам по себе факт заявления Совету Безопасности жалобы на то или иное государство или правительство, жалобы, которая многим из нас не кажется вполне обоснованной, не представляется достаточным основанием для учреждения комиссии по обследованию. Если нам надо будет учредить комиссию по расследованию только потому, что кто-либо из членов Организации Объединенных Наций счел уместным пожаловаться на другое го-

сударство или правительство, то наша Организация скоро станет зловредным рассадником международных раздоров. Всевозможные обвинения того или иного рода будут тогда нарушать мирные отношения, что было бы весьма нежелательно. Миру нужно спокойствие, а не лишние тревоги.

Я считаю, поэтому, что, прежде чем учреждать комиссию по информации или расследованию, Совет Безопасности должен удостовериться в том, что жалобщик располагает первоначальными данными, достаточными для того, чтобы оправдать создание такого комитета. Только таким образом мы можем надеяться, что отобьем охоту подавать в Совет недостаточно обоснованные обвинения.

Что же касается данного дела, т. е. испанского вопроса, я готов признать, что были представлены достаточные первоначальные данные, которые оправдывают дополнительное расследование, предлагаемое представителем Австралии. Я не нахожу это расследование совершенно необходимым, но оно все же может оказаться полезным, и я буду поэтому голосовать за австралийское предложение.

По этому поводу я хотел бы указать представителю СССР, что если это дело рассматривать таким разумным образом, то отсутствие совершенно убедительных данных вовсе не обязывает нас положить его под сукно, а наоборот побуждает нас углубиться в него, при условии, конечно, что ранее представленные данные не слишком скудны. Я не думаю, чтобы в данном случае задержка, вызванная работой намечаемого комитета, была опасной в каком бы то ни было смысле. Японцы, Муссолини и Гитлер были все готовы к агрессии, и я совершенно согласен с г-ном Громыко, что в то время промедление было опасно и даже пагубно. Но я не нахожу, чтобы в деле Франко существовала такая же опасность.

Мне остается возбудить еще два вопроса по поводу редакции пересмотренного австралийского предложения.

Во-первых, я склонен думать, что было бы пожалуй лучше опустить предельный срок 31 мая. Комитет будет несомненно работать с должным усердием, но я все же считаю, что с некоторыми вопросами нельзя справиться по расписанию, и мне не ясно, почему комитету следует представить свой доклад именно 31 мая. Если комитет закончит свою работу до этого срока, тем лучше. Почему бы ему тогда не представить своего доклада немедленно?

Кроме того, в настоящее время в Париже заседает Совет министров иностранных дел, имеющий весьма большое значение. Я не знаю, будет ли он заниматься испанским вопросом или нет, но я считаю, что нам следует избежать даже малейшего риска одновременного принятия разноречивых мер. Это может создать лишь путаницу, а наше дело выяснять вопросы, а не запутывать их. По этой причине тоже мне кажется более целесообразным не назначать срока для окончания работы комитета.

Могу ли я поэтому предложить вычеркнуть слова «31 мая 1946 года»?

¹⁰¹ См. тридцать четвертое заседание.

Во-вторых, в новой редакции австралийского предложения содержится понятие, не существующее в Уставе и выраженное словами «вопрос международного значения», которые вы найдете в пункте 1. Мне кажется, что нам не следует вводить без особой надобности понятия, не основанные на Уставе. Поступая таким образом, мы рискуем отклониться от Устава, и я был бы рад, если бы представитель Австралии согласился исключить в пункте 1 своего исправленного текста слова «международного значения». Это несколько не меняет существа дела, но, исключив это выражение, мы избегаем терминологии, которая может ввести в заблуждение и потому опасна.

Г-н ВЕДЛОЗО (Бразилия) (*говорит по-французски*): Как всегда, я буду краток.

Я поддерживаю предложение представителя Австралии. Выступая на 35-м заседании, я усомнился относительно того, не выходит ли возбужденный представителем Польши вопрос за пределы нашей компетенции. По поводу некоторых тяжелых обвинений, возведенных на испанское правительство, я указал, что, согласно пункту 1 статьи 1 Устава, Совет Безопасности обязан постараться их разъяснить.

Предложение представителя Австралии поддерживает эти две идеи, и я поэтому всецело к нему присоединяюсь.

Г-н БОННЭ (Франция) (*говорит по-французски*): Разногласия по испанскому вопросу уже возникали с самых первых заседаний Совета Безопасности, и сегодня они обнаружались снова.

Тем не менее, нам удалось достигнуть единогласия по одному пункту: все ораторы в разное время высказали моральное осуждение режиму Франко. Если мы сегодня примем предварительную резолюцию, которая позволит нам продолжать нашу работу, то нам следует зафиксировать в ней наше единогласное мнение и в то же время обратиться с несколькими словами дружбы и симпатии к испанскому народу, возлагающему все свои надежды на Организацию Объединенных Наций. Это первый пункт. Я буду просить представителя Австралии согласиться на поправку в указанном смысле.

Но есть еще и другой пункт. Предложенный полковником Ходжсоном проект резолюции изложен в краткой и сжатой форме. Первый его пункт просто излагает просьбу, заявленную представителем Польши. В остальном тексте резолюции та же самая мысль настойчиво повторяется. Боюсь, что в этом заключается известная опасность.

Второй пункт резолюции предлагает, чтобы подкомитет Совета произвел исследование для установления, существует ли в Испании ситуация, способная угрожать международному миру. А немного далее та же мысль высказывается снова в трех довольно подробных вопросах, которые тесно между собой связаны и, в сущности, представляют собой всего лишь один вопрос.

В результате предметом резолюции является лишь один практический вопрос: существует ли

опасность для международного мира? Я должен сказать, что вопросительные знаки, которыми изобилует текст, отражают, мне кажется, отрицательный подход к делу. В самом деле, кроме этих трех, мы могли бы задать еще много других вопросов. Мы могли бы, например, спросить, основывается ли все еще испанский режим, установленный с помощью держав оси, на принципах, проповедывавшихся правительствами этих держав. А затем, в случае утвердительного ответа, мы могли бы спросить, представляет ли испанское правительство опасность для демократических режимов.

Если бы мы прервали или отложили нашу работу, я мог бы составить еще дюжину подобных вопросов. Они могли бы быть очень полезны для комитета, указывая на то, что существуют еще другие возможности, кроме тех, о которых говорит представитель Австралии. Я просил бы его учесть нашу точку зрения и, в соответствии с этим, попросту опустить те три вопроса, которые фигурируют в конце его проекта резолюции.

Он сам заявил, что хочет дать комитету возможно более широкий охват; я впрочем рассматриваю этот комитет не как таковой или как комиссию, а скорее как рабочий подкомитет.

Позвольте мне в связи с этим сказать еще несколько слов для руководства комитета, с тем чтобы позволить ему, если возможно, открыть нам путь к единогласному решению. Пусть он укажет нам те меры, которые можно было бы принять. Если полковник Ходжсон согласится изъять указанные три вопроса, я также просил бы его закончить резолюцию следующим образом: после слов «с тем чтобы представить Совету Безопасности... о результатах своего исследования» добавить слова «и о практических мерах, которые Организация Объединенных Наций могла бы принять по этому делу». Отредактированная таким образом резолюция была бы краткой и умеренной.

Чтобы не заставлять одиннадцать членов Совета вести дискуссию, начатую несколько дней тому назад и продолжающуюся еще сегодня, мы просим, чтобы пять членов Совета Безопасности оформили эту работу, истребовали дополнительные сведения от правительств, нами представляемых, а также от других правительств, входящих в состав Организации, и снова явились сюда в возможно короткий срок, чтобы позволить нам прийти к известным заключениям, после того как мы убедим, как я искренне надеюсь, тех из наших коллег, которые все еще относятся скептически к тому, что на Организации Объединенных Наций лежит определенная ответственность в отношении Испании и что ей следует что-то предпринять.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Я сильно опасаясь, что от этой дискуссии может остаться несколько обманчивое впечатление. Здесь были выражены противоречивые мнения, но я желал бы подчеркнуть то обстоятельство, что за этими расхождениями кроется в основе единодушное, проявленное всеми членами Совета, единодушное, на которое обратил внимание мой коллега, представитель Франции.

Прежде всего, нет ни одного члена Совета, который бы высказался одобрительно о режиме Франко. Напротив, все выступавшие члены Совета осудили фашистский режим, существующий сейчас в Испании. Я надеюсь, что как правительство Франко, так и испанский народ это учтут и не будут введены в заблуждение второстепенными вопросами процедурного характера, которые мы сейчас обсуждаем.

В частности, я хочу обратить внимание Совета на заявление, сделанное представителем Соединенных Штатов Америки г-ном Стеттиниусом в его первом выступлении, в том смысле, что в связи с положением, существующим в Испании, у правительства Соединенных Штатов имеются две цели: одна — ликвидировать режим Франко, и вторая — достигнуть этого, не навлекая на испанский народ ужасов второй гражданской войны.

Я вполне согласен с этими двумя целями, и, возбуждая в Совете вопрос о положении в Испании, польское правительство сделало это именно потому, что считало необходимым принять международные меры от имени Организации Объединенных Наций, чтобы избежать опасности новой гражданской войны в Испании и всех могущих произойти от нее международных конфликтов.

Представитель Соединенных Штатов Америки заявил, что в намерения его правительства входит удаление от власти правительства Франко. Хотя не все выражались столь же сильно, я полагаю, что в этом заключается единодушное желание членов Совета. В Совете нет никого, кто желал бы, чтобы режим Франко оставался у власти.

Но из заявления о том, что режим Франко следует удалить от власти в Испании, напрашиваются известные выводы. Это означает, что само существование этого режима имеет несомненно международное значение, так как иначе здесь имелось бы вмешательство во внутренние дела Испании без всякого к тому основания. Если же мы считаем, что испанское правительство следует удалить от власти, то это лишь потому, что существование его имеет международное значение и представляет угрозу для международного мира и безопасности.

Вопрос заключается в следующем: как претворить в действие это желание, высказанное представителем Соединенных Штатов Америки и разделяемое, думается, всеми нами?

По этому поводу я хотел бы просить Совет не отказываться от лежащей на нем основной исторической ответственности и не оказывать помощи и содействия режиму Франко, а напротив — изыскать пути к единодушному решению. Все мы в сущности согласны, как я полагаю, с основной целью. Спор идет лишь о применении надлежащих средств и образа действий. Наша делегация и наше правительство придадут большое значение единодушному Совету в этом вопросе, так как мы считаем, что понадобится единодушное решение и дружное усилие Организации Объединенных Наций, чтобы достигнуть ликвидации режима Франко в Испании и устранения связанной с этим режимом угрозы международной безопасности.

Задача наша заключается, следовательно, в том, чтобы найти какую-то исходную точку для международного выступления. Я не думаю, чтобы это можно было сделать в четверть часа или даже в час. Потребуется изучение вопроса отдельными делегациями, а также, быть может, правительствами. Для подготовки единодушного выступления я предложил бы совету назначить подкомитет, которому будет поручено найти почву для такого единодушия. С одной стороны, у нас имеется предложение о комитете по расследованию. С другой стороны, мы имеем, в противовес этому комитету по расследованию, комитет предлагаемого мною рода, который рассмотрел бы внесенную мною резолюцию, а также отдельное процедурное предложение нашего австралийского коллеги, и попытался бы представить Совету резолюцию, рекомендующую практические меры, подлежащие принятию Организацией Объединенных Наций.

Внося подобное предложение, я отнюдь не снимаю моей первоначальной резолюции, внесенной на 34-м заседании и предлагающей Организации Объединенных Наций коллективно порвать дипломатические отношения с режимом Франко. Польское правительство считает эту меру крайним минимумом того, что следует сделать. Но в интересах единодушного решения и совместного выступления я вполне согласен передать эту резолюцию, как и все прочие внесенные здесь предложения, в комитет на предмет изучения, релятивирования или чего-либо другого, с тем чтобы через несколько дней комитет представил нам доклад с рекомендациями относительно намечаемых им надлежащих действий.

В заключение я хотел бы лишь раз подчеркнуть напечатанное себе выражение в дискуссии Совета основное единодушие по поводу режима Франко, моральное осуждение которому было высказано всеми членами Совета, принимавшими участие в прениях. Я еще раз выражаю надежду, что испанский народ не преминет отметить это единодушие.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Г-н Ланге, могу ли я вас попросить изложить ваше предложение в виде письменного проекта резолюции?

Полковник ХОДЖСОН (Австралия) (*говорит по-английски*): Обращаясь к сделанным здесь различным предложениям, я вполне разделяю желание, высказанное представителем Нидерландов. Я сам сомневался в желательности указания определенной даты. Я считал, что вместо этого мы могли бы сказать «в возможно короткий срок» или «как только будет возможно», так чтобы вопрос предоставлялся на усмотрение комитета. Указание даты было вызвано желанием избежать создания впечатления у мирового общественного мнения или у кого бы то ни было, будто мы желаем оттянуть принятие практических мер.

Далее, что касается «вопроса международного значения», то я с этим предложением совершенно согласен и так оно у меня и было вначале. Но возникает другой вопрос: согласно парламентской процедуре поправка обыкновенно принимается только когда известно, что она соот-

ветствует желаниям большинства комитета. А я не слышал никого, кто бы высказался за предложение представителя Франции. Я готов согласиться на то, чтобы опустить те три вопроса, о которых идет речь, так как сущность этих вопросов уже содержится в первом абзаце. Но когда представитель Польши предлагает учредить подкомитет для решения относительно предполагаемых мер, то мы сталкиваемся с принципиальным расхождением первостепенного значения. Иными словами, моя точка зрения такова: дело Совета и Совета только, а отнюдь не подкомитета, принимать справедливые и беспристрастные решения и устанавливать факты.

Если же подкомитет будет рекомендовать практические мероприятия, то это будет равносильно тому, что не Совет, а подкомитет будет принимать решения. Даже одно предложение практических мер подразумевает, что уже состоялось решение относительно фактов.

Есть также и другое соображение. Я еще не знаю, каков будет состав подкомитета. Как я слышал, возможно, что пожалуй четыре постоянных члена Совета не будут в нем представлены; говорилось даже, что так было бы желательно. Было ли бы правильным, при таких условиях, чтобы Совет уполномочил подкомитет составлять рекомендации относительно того, что следует делать постоянным членам, в то время как последним не будет дана возможность высказаться по этому поводу? Я не считаю это правильным. Вот почему я не могу пойти навстречу представителям Франции и Польши, для того чтобы достигнуть единодушия.

Есть еще следующее соображение. Даже если бы я согласился и на это, то все-таки не было бы достигнуто единогласия, так как представитель СССР заявляет, что для него ни комиссия, ни комитет не приемлемы.

Как бы то ни было, если Совет желает, чтобы мы еще раз обменялись мнениями и попытались достигнуть соглашения, я буду очень рад этому содействовать.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Если кто-либо из членов Совета этого пожелает, можно несколько изменить редакцию моего предложения. Я предлагаю следующий текст:

«Ввиду обращения внимания Совета Безопасности, в порядке пункта 1 статьи 35 Устава, одним из членов Совета на ситуацию в Испании,

Совет Безопасности

1. *принимает во внимание* высказанное во время прений единодушное осуждение режима Франко;

2. *назначает* подкомитет из пяти своих членов для изыскания основы единодушного решения Совета и для выработки проекта резолюции, содержащего рекомендации относительно надлежащих практических мер».

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Представитель Австралии спросил, что мы думаем о французском предложении. Я буду очень рад сказать, что я о нем думаю, если это сколько-нибудь поможет делу.

К сожалению я должен сказать, что мне было бы очень трудно голосовать за французское

предложение. Против него у меня разные возражения, которыми я не хочу утруждать Совет. Но главное затруднение заключается в том, что французское предложение как будто высказывает мысль, хотя и несколько туманно и неясно, что следует принять какие-то меры по отношению к режиму Франко. В соответствии с тем, что я говорил на прошлой неделе, я должен теперь заявить, что я не согласен стать на такую точку зрения. Кроме того я хотел бы обратить внимание на то, что текст, предлагаемый г-ном Бонне, как будто основывает все дело на мотивах целесообразности. Он спрашивает: что нам делать?

Но прежде всего нам следует установить, имеем ли мы право согласно Уставу предпринимать какие-либо действия. Мы не имеем права решать это, исходя из чисто произвольных или политических соображений; мы обязаны соблюдать Устав, и я требую, чтобы правило, установленное Уставом, было должным образом соблюдено. Насколько я понимаю, это правило содержится в статье 34, которая гласит:

«Совет Безопасности уполномочивается расследовать любой спор или любую ситуацию, которая может привести к международным трениям или вызвать спор, для определения того, не может ли продолжение этого спора или ситуации угрожать поддержанию международного мира и безопасности».

Я полагаю, что предложение Австралии поможет нам выполнить нашу задачу.

Что касается г-на Ланге, то если мне будет позволено высказать чисто личное мнение о том, что он только-что сказал, он обращает внимание на то единодушие, с которым мы все осудили режим Франко, как нежелательный для Испании, но он как будто упускает из виду то обстоятельство, что это как раз отправная точка нашего расхождения. Некоторое из нас считают, что положение в Испании — вопрос исключительно внутренней компетенции этого государства, другие же придерживаются противоположного мнения. Следует ли нам или не следует предпринимать при этих условиях какие-либо действия?

Польское предложение заходит еще дальше, так как оно является еще более поспешным, чем французское предложение. Оно предпринимает вопрос о том, следует ли приступить к действиям, так как предлагает изучить подлежащие принятию меры, а такого рода предложение я поддерживать не могу.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Я скажу лишь несколько слов в пояснение последствий, вытекающих из только что предложенного мною иного проекта резолюции.

Эта резолюция предоставляет конечно Совету полную свободу решить, какие должны быть приняты меры. Она не постановляет, что не должно быть принято вообще никаких мер, ибо такое решение имело бы само по себе роковые последствия. Я уверен, что Совет такого решения не примет, но считаю, что за ним остается полная свобода действий. Во всяком случае таково было мое намерение.

Если представитель Нидерландов испытывает какие-либо опасения на этот счет, я готов не-

сколько изменить мое предложение. Что я хотел бы сохранить, — это моральное осуждение режима Франко, относительно которого мы уже пришли к соглашению в настоящей стадии прений.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) *(говорит по-английски)*: Я не хочу затягивать прений. Я хочу лишь сказать, что я поддерживаю проект резолюции Австралии с теми поправками, которые представитель Австралии уже принял. Мне кажется, что, поступая таким образом, Совет действовал бы практически и разумно.

Утверждают, что испанское правительство угрожает международному миру и безопасности. Совету сообщены некоторые факты и несомненно могут быть указаны еще и другие факты. У меня самого имеется известная информация и даже довольно подробная, которой я не стал утруждать Совет, но я был бы рад сообщить ее любому могущему быть учрежденным подкомитету. Другие правительства вероятно тоже пожелают внести свой вклад в это дело.

Мне кажется, что первой задачей Совета должно быть — просмотреть эту информацию, с тем чтобы попытаться прийти к какому-нибудь заключению. По-моему, прежде чем Совет сможет принять какие-либо меры по этому делу, надо доказать, что испанское правительство представляет угрозу международному миру. Я не думаю, чтобы работа по просмотру документации такого рода могла быть выполнена удобно и эффективно в этом собрании. Мне казалось бы более целесообразным и практичным попросить пятерых из наших коллег рассмотреть эту документацию, рассортировать ее, привести в порядок и составить доклад Совету.

Я всецело присоединяюсь к этому предложению и думаю, что, приняв его, Совет поступит правильно. Я прошу представителя СССР не отвергать его совершенно. Мы попросили бы подкомитет выполнить свою работу срочным порядком, и я не думаю, что мы должны опасаться сколько-нибудь значительной задержки. Я считаю, что, имея перед собой доклад подкомитета, мы получим возможность более основательной и эффективной дискуссии в Совете.

Еще одно слово. Я опасаясь, что не смогу принять дополнение, предложенное представителем Франции, так как, по моему мнению, подобные выражения составляют то, что мы в Англии называем «презумпцией виновности». Поручив комитету рассмотреть и разобрать документацию, вы тут же предлагаете ему указать, какие следует принять меры против обвиняемого. Я считаю это совершенно недопустимым.

Полковник ХОДЖСОН (Австралия) *(говорит по-английски)*: Мне казалось, что мы достигли кое-каких результатов, но последнее предложение польского представителя показывает, что мы друг от друга дальше чем когда-либо. Я полагал, что он почти согласен поддержать представителя Франции, но последнее его предложение возвращает нас к его первоначальному проекту. Я принципиально возражал именно против этого, т. е. против того, чтобы Совет принимал какое-либо решение без расследования и установления фактов.

Как вы помните, я также не разделял мнения, чтобы не принимать вообще никаких мер. Таким образом, намеченный мною путь оставался посередине: учредить следственный орган в помощь Совету и для содействия ему в достижении справедливого и беспристрастного решения.

Я не могу принять последнее предложение Польши. Как я понимаю, у нас имеется первоначальный проект резолюции, требующий немедленных действий, а именно разрыва или требования от государств-членов Организации разрыва дипломатических отношений. Я нахожу, что мое предложение было настоящей поправкой, которую следовало поставить на голосование в первую очередь. Поправка моя имела в виду, что не будет принято никаких мер во исполнение предложения Польши, пока не будет произведено расследование фактов и не будет представлен Совету по этому поводу доклад.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) *(говорит по-английски)*: Еще несколько пояснительных слов. Мое предложение не следует толковать в том смысле, что оно неизбежно противоречит предложению представителя Австралии, так как предложенный мною подкомитет может решить принять те же самые меры, которые предлагаются в проекте резолюции Австралии. Сегодня создано положение, при котором мнения просто разделились по вопросу о том, принять ли австралийский проект, а я всего лишь хотел дать Совету возможность прийти к единодушному решению относительно принятия известных мер, каковы бы они ни были.

Г-н де-ла-КОЛИНА (Мексика) *(говорит по-английски)*: От имени моего правительства я поддерживаю предложение Австралии с поправками, внесенными представителем Франции. Я уверен, что комитет сможет обосновать бесспорным образом те меры, которые Совет решит принять. К тому же я не желаю судить о работе предполагаемого комитета. Затем мое правительство придерживается мнения, недавно изложенного в заявлении нашего министра иностранных дел, что Франко осужден всем своим прошлым. Дополнительные данные и новые доказательства могут лишь подтвердить его вину, я в этом уверен.

Поэтому я присоединяюсь, к мнению, столь красноречиво выраженному представителем Франции. Я мог бы еще добавить, что я также признаю первостепенное значение единодушия, чтобы не ослабить заявлений, уже сделанных Организацией ранее. Поэтому я надеюсь, что мы сможем продолжать обсуждение предложений представителя Франции, чтобы выяснить, есть ли какая-нибудь возможность включить хотя бы некоторую их часть в австралийский текст.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я хотел бы видеть единодушное решение Совета Безопасности по обсуждаемому вопросу. Однако, я в то же время хотел бы, чтобы это решение было справедливым, отвечающим серьезности обсуждаемого вопроса.

Если члены Совета Безопасности считают, что есть какая-либо надежда найти базис для такого единодушного решения путем создания подкомитета, предложенного г-ном Ланге, то у ме-

ня не будет возражений против создания такого подкомитета с задачами и функциями, как они были очерчены польским представителем.

Г-н БОННЭ (Франция) (*говорит по-французски*): Мне кажется, что после наших дебатов остается еще луч надежды, но есть и несколько недоразумений.

Было высказано несколько существенных соображений. Представитель Мексики напомнил нам весьма кстати, что нам не следует показывать вида, будто мы отступаем от того, что уже сделано союзными державами и Организацией Объединенных Наций по данному вопросу. В самом деле, кое-что было уже сделано в Сан-Франциско, Потсдаме и недавно на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций в Лондоне. Сегодня и во время наших недавних дискуссий у меня временами создавалось впечатление, что мы готовы отказаться от того, что уже сделано. Этого мы делать не должны. К тому же мексиканский представитель поддержал мои поправки, и я полагаю, что это сходится со взглядами полковника Ходжсона.

Поэтому я полагаю, что Совет согласится рассмотреть внесенные мною три поправки:

первую, имеющую целью установить, что все мы единодушно осуждаем режим Франко, приветствуем испанский народ и заявляем, что мы надеемся скоро его видеть среди нас;

вторую, предлагающую исключить те три вопроса, которые фигурируют в конце проекта резолюции, внесенного представителем Австралии;

третью (которая подверглась критике со стороны некоторых наших коллег), предлагающую, чтобы рабочий комитет, который мы учредим, постарался представить Совету предложение относительно практических мер, могущих быть Советом принятыми. Это мне вовсе не кажется недопустимым, так как старания комитета естественно будут направлены на то, чтобы представить нам практическое решение.

Обсуждению этих трех поправок мы можем посвятить еще довольно много времени. Если надо, я выступлю в их защиту до голосования. Я считаю, что эти три поправки стоят того, чтобы их изучили. Быть может нам удастся найти четвертую, могущую помочь нам прийти к тому единодушному решению, которого требовал представитель Мексики, а до того представитель Польши и которого, я уверен, мы все желаем.

Быть может было бы достаточно изменить несколько слов в уже измененном в предложенном мною смысле проекте резолюции Австралии. Мы не можем внести эти изменения сейчас, но я думаю, что в этом именно и заключается предложение г-на Ланге. По поводу предложения г-на Ланге произошло, мне кажется, недоразумение. У представителя Австралии повидимому создалось впечатление, что это окончательная резолюция, имеющая заменить его собственную, и я сам склонялся к этому мнению. Теперь же я вижу, что представитель Польши предлагает в сущности редакционный комитет. Так ли это?

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Работа комитета продолжалась бы два или три дня.

Г-н БОННЭ (Франция) (*говорит по-французски*): Даже меньше. Мои три поправки можно было бы передать в комитет вместе с другими. Таким образом комитет мог бы завтра, основываясь на проекте резолюции Австралии, предложить резолюцию, имеющую шансы быть принятой единогласно.

Я думаю, что Совет найдет возможным принять мое предложение, которое в сущности совпадает с предложением г-на Ланге с некоторыми изменениями и поправками. Нам предложено несколько поправок; мы можем рассмотреть их здесь сегодня. Но мы могли бы также рассмотреть их завтра утром, на свежую голову, при содействии редакционного комитета. Этот комитет мог бы выработать одну или две формулы, которые были бы поддержаны Советом единогласно. Я настаиваю, чтобы мы подождали до завтра после полудня. Тем временем поработает редакционный комитет.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Признаюсь, я совершенно не понял польского предложения. Если оно заключается только в том, чтобы назначить редакционный комитет для рассмотрения обсуждаемого нами сегодня текста и внесенных к нему поправок, а также других поправок, если таковые окажутся, то я не буду против этого возражать. Но я не считаю необходимым принимать особую резолюцию в этом смысле для назначения редакционного комитета. Мне казалось бы, что Председатель может спросить у Совета имеются ли у него возражения, и если возражений нет, он мог бы сам предложить трех или четырех лиц. Я делаю лишь одну оговорку: я не хочу участвовать в работе редакционного комитета.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Я вполне разделяю мнение представителя Соединенного Королевства о том, что не требуется никакой официальной резолюции. Я готов отказаться от этой официальной резолюции, чтобы ускорить дело. Но я желал бы сделать одно замечание. Чтобы работа комитета была действительно успешной, ему потребуется, по-моему, два или три дня. Мы подошли теперь к критическому моменту нашей дискуссии и, я полагаю, должны дать членам Совета время снести со своими правительствами, чтобы наметить соответствующий курс, и я скорее предложил бы дать комитету срок до понедельника.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Если подкомитет будет образован только для рассмотрения австралийского предложения и поправок к нему, тогда я буду возражать против создания такого подкомитета и не смогу принять участие в таком подкомитете.

Если этот подкомитет будет образован для того, чтобы найти базис для единодушного решения испанского вопроса, т. е. рассматривать все предложения, которые сделаны членами Совета Безопасности, тогда я готов, как я уже сказал об этом, не возражать против предложения г-на Ланге.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Я не уверен, что работа предпо-

лагаемого подкомитета не будет пустой тратой времени. Перед нами два предложения, которые, как мне кажется, взаимно исключают друг друга. Иными словами, австралийская и французская делегации обе внесли по предложению. Поэтому, если дело заключается в том, чтобы найти формулу, удовлетворяющую обе стороны, то я прежде всего опасаюсь, что окажется невозможным удовлетворить всех и каждого, даже если какую-нибудь формулу и удастся найти. Я изучил оба предложения и, поскольку речь идет об учреждении подкомитета, я не буду за него голосовать.

Г-н БОННЭ (Франция) (*говорит по-французски*): Я отвечу кратко представителю Нидерландов. Я не понимаю, в чем австралийское предложение и мое друг друга исключают. По моему это совершенно не так.

Если австралийское предложение не позволяет воздать должное испанскому народу и подтвердить наше моральное осуждение правительства Франко, то я не буду голосовать за текст полковника Ходжсона.

Если окажется невозможным опустить три вопроса, значащиеся в конце австралийского предложения, я потребую включения еще дюжины других вопросов. Но я нахожу, что их вполне можно опустить, не нарушая внутреннего равновесия австралийского предложения.

Наконец, я просил добавить несколько слов в конце этой резолюции; это нисколько не противоречит предложению полковника Ходжсона. Он сам впрочем это признал. Если бы мое предложение было априори признано совершенно несовместимым с предложением представителя Австралии, то было бы вообще невозможно принимать какие-либо поправки к резолюциям в парламентской или международной практике.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Я буду очень краток. Разумеется, резолюция Австралии не препятствует включению слова «приветствие», обращенного к испанскому народу. Равным образом она не исключает возможности вычеркнуть три вопроса в конце. Но противоречие между двумя резолюциями вытекает из тех слов, которые представитель Франции желает включить, а именно из слов «с тем чтобы представить Совету Безопасности... доклад о практических мерах, которые Организация Объединенных Наций могла бы принять по этому делу». Австралийское предложение не идет дальше простого изучения фактов, и мы не должны предпринимать вопроса о том, будут ли приняты какие-либо меры или нет. На этом я и основывал мое замечание относительно наших дебатов.

Полковник ХОДЖСОН (Австралия) (*говорит по-английски*): Я не знаю, куда мы идем и какая наша конечная цель, но я уже сказал, что буду рад возможности побеседовать с представителем Франции и представителем Польши, чтобы попытаться столкнуться относительно этого текста и поправок к нему, имея в виду последующее голосование.

Мне казалось, что представитель Соединенного Королевства ясно выразил свою точку зрения,

каковую я был готов принять. Но из слов представителя СССР я понял, что между нами коренное расхождение во взглядах — даже в вопросах редакции. Польский представитель желал — и повидимому остается при этом намерении — включить в свой текст некоторые резолюции, некоторые положения, которые предвещают все дело и вынудят нас предпринять конкретные действия. Это подорвет вопрос, как он представлен в резолюции австралийской делегации.

Поэтому, если мы желаем достигнуть единодушия относительно обязанностей редакционного подкомитета, учреждение которого будет поставлено на голосование, я не вижу смысла в том, чтобы продолжать эти прения, и предпочел бы голосовать поправку в ее настоящем виде.

Я хотел бы пойти, так сказать, навстречу представителю Франции, если это удовлетворит представителя Мексики. Я вычеркну те три вопроса, если представитель Франции согласится изъять ту фразу, которую он хочет добавить, и согласится на это теперь же. Он почти готов это сделать, и мне кажется, что в этом случае возможно голосование.

Я готов пойти на дальнейшие уступки и согласен включить в мой текст пункт с осуждением режима Франко, пункт, схожий с теми, которые фигурировали в резолюциях и декларациях в Сан-Франциско, Потсдаме и Лондоне или же составленный в выражениях, для всех нас приемлемых.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я склонен предложить закрыть заседание и собраться опять завтра в 11 ч. утра. Тем временем, сегодня же вечером, представитель Австралии успеет переговорить с французским, а может быть и с польским представителем. Если им удастся столкнуться относительно общего предложения, вопрос будет разрешен. В противном случае нам придется провести завтра голосование проекта резолюции австралийского представителя и поправок, предложенных представителем Франции и представителем Польши.

Полковник ХОДЖСОН (Австралия) (*говорит по-английски*): Я хочу поставить вопрос французскому представителю. Согласен ли он принять мое предложение? Если да, я желал бы немедленного голосования.

Г-н БОННЭ (Франция) (*говорит по-французски*): Предлагаю этот редакционный комитет, я имел в виду, чтобы мы попытались прийти к соглашению. Во мне твердо сидит убеждение в том, что обычно приходят к соглашению на почве взаимных уступок. В этом нет ничего нового, но я в это крепко верю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Согласны ли г.г. представители собраться завтра, имея в виду, что большая часть поправок требует окончательной формулировки. Тут у меня есть несколько набросков, которые, по моему, недостаточно хорошо отредактированы. Было бы предпочтительно, если вы ничего не имеете против, закрыть сейчас заседание и назначить новое на 11 часов утра завтра.

Заседание закрывается в 6 ч. 35 м. вечера.